

мнения и дискуссий (дискурсивности), которые и образуют содержание социальной жизни, или выступают ее политическими (в исконном смысле!) векторами¹.

Получается, если университет дает оформление, оправдание существования в обществе очагов власти, значит он – что-то высшее. Власть над властью. Неосязаемое, неощутимое, неконтролируемое воздействие на все происходящее в обществе.

Обобщая все сказанное, можно сказать, что университет не только является объектом власти (контроль со стороны государства и общества), средством власти (как дисциплинарный институт), но и субъектом власти как над государством и обществом в целом, так и над отдельными их структурами.

А.Г. Кислов

ОБ АКАДЕМИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВАХ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Академизм – существеннейшее, интегральное свойство университетской жизни, всей сферы высшего образования, как оно единодушно понималось еще совсем недавно. Даже следование пресловутому принципу партийности в недавнем прошлом позволяло академической общественности служить не только быстро преходящим «указаниям», но Истине. Либерализация породила много светлых, слишком светлых – ослепляющих – надежд, несбыточность которых стала не сразу очевидна. Ситуация, в которой существует высшая школа сегодня, оценки феномена университета в последнее время сильно меняются, вызывают дискуссии.

Значение термина «академизм» восходит ко вполне конкретному историческому явлению – Академии, как именовалась гимназия древнегреческого философа Платона по названию местечка недалеко от

¹ Шпарага О. Идея университета в Беларуси – Европейский гуманитарный университет// <http://www.nmn.by/articles/280604/univer.html>

Афин, где он преподавал свое учение. Академиками стали называть сначала учеников Платона, а потом и всех его последователей. Поэтому по первому своему значению слово «академический» является синонимом *платонизма*. Дальнейшие смысловые прибавления к слову не отменили эту исходную его связь с учением великого идеалиста. Так, роль и авторитет философии Платона прибавили к смыслу слова «академический» значение «*возвышенного*», «*высшего*», «*истинного*», «*образцового*», «*авторитетного*», «*идеального*».

Чаще всего это слово стали прибавлять к учебным заведениям, ориентирующимся на традиции гимназии Платона, на традиции его учеников. Среди них можно, таким образом, еще раз отметить *авторитет* сначала Платона, а потом *и других мэтров – ученых-учителей*, слово которых служило решающим аргументом в пользу истинности той или иной точки зрения. Известна в этой связи фраза одного из бывших академиков, отошедших от некоторых положений Платона, а именно, Аристотеля, сказавшего «Платон мне друг, но истина дороже!». Вошедши в академическую традицию как второй (а иногда и первый) авторитет, Аристотель привнес тем самым в нее *право на возражение – даже авторитету – во имя истины, и обязательно – аргументированное*. Теории аргументации Аристотель посвятил, кстати, немало своих размышлений.

Аргументация, тем более, противопоставляемая авторитету, может появиться лишь у добросовестного самостоятельного исследователя, так что *принцип исследовательской свободы* становится неотъемлемым от академических традиций. Свобода же исследований и аргументированной *публикации их результатов* находит необходимое продолжение в *свободном характере преподавания* со стороны учителя (потом – профессора), которое нужно понимать не столько как свободу для обучающихся (особенно, в посещении занятий), сколько как *отсутствие бюрократической опеки* преподавателей со стороны блюдущих букву нормативов инспекторов и администраторов.

Но это и *свобода учения* показывающих успехи учеников! Мера ее должна напрямую зависеть от успехов. Успехи же возможно предъявлять строгому суду *академической общественности* только системой гарантий их публикации. Так что уже упоминавшаяся публичность (выступления устные и письменные, защиты, диспуты, конференции и т.д.) является тем более важным, обязательным признаком академичности.

Итак, академическим можно назвать образование, опирающееся на авторитет ученых-учителей, допускающих и даже поощряющих самостоятельную познавательную активность обучающихся, имеющих гарантированную возможность широкой и регулярной публикации своих достижений, соображений и даже сомнений, предъявляемых не голословно, а в сопровождении принимаемой академическим сообществом аргументации.

Наличие академического сообщества – весьма важный фактор, обеспечивающий существование, трансляцию, воспроизводство академических традиций. В средние века произошла институционализация этих сообществ в университеты, которые и теперь рассматриваются как важнейшие субъекты академической жизни. Подлинный же субъект всегда автономен, поэтому вместе с университетами возникли тема их автономии как условия обеспечения непрерывности академических традиций, автономии, ставшей традиционным идеалом университета, и тема академической свободы членов университетского сообщества, прежде всего, профессоров. С академической свободой и сегодня связаны надежды на будущее университета: «Именно усилиями такого рода сообществ... удастся преодолеть тот рабский непрофессионализм, который господствует практически во всех сферах подконтрольной государству жизни»¹.

¹ Шпарага О. Политическая топография Беларуси: солидарность, сообщества, университет// Топос. 2005. № 1 (10) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ehu-international.org/topos/zine/2005/1/shparaga.htm>.

Проблематика академической свободы давно нуждалась в систематическом научном освещении российскому читателю, не обремененному проблемой «идеального» вуза. Даже получив в 1996 г. выражение (перекочевав из международных документов) в статье 3 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (а в некоторых своих аспектах еще в Законе РФ «Об образовании» 1992 г.), академическая свобода «не зазвучала»: о ней мало пишут и практически не вспоминают в условиях реальной вузовской жизни. Не вспоминают даже (и особенно!) юристы, а это уж совсем симптоматично.

Наконец, в свет вышла монография, в которой представлена развернутая ретроспектива возникновения и вариантов реализации этого фундаментального принципа существования университетов, дан анализ его концептуальных обоснований рядом виднейших мыслителей, охарактеризованы общее и особенное в его нормативно-правовом закреплении в различных странах мира, в том числе в современной России¹. Интерес автора монографии сосредоточен, главным образом, на дальнейших перспективах оформления и юридического закрепления принципа академической свободы, а короткие, большей частью горькие замечания о его реализации в сегодняшних российских вузах оставляют значительное пространство для продолжения разговора.

Немаловажным вопросом в осмыслении прошлого и будущего университетов, высшей школы является ее финансово-экономическая база. Сама университетская автономия возникла в своеобразном зазоре, образовавшемся в результате перманентного и неравновесного столкновения трех основных политических сил средневековья – крепнувших королевств (ставших затем национальными государствами), католической Церкви (обремененной нерешаемым вопросом о том, чего в ее природе больше – небесного или земного, –

¹ См.: Волосникова Л.М. Академическая свобода: генезис, юстификация, конституционализация. М., 2006.

но зато обеспечившей транснациональный характер европейской науки) и городов (определивших, в конце концов, новоевропейский тип цивилизации). Финансовым источником университетской автономии стали, прежде всего, пожертвования, дары, привилегии, предоставляемые в разные времена и в разной степени всеми тремя главными политическими (и экономическими) силами, к которым присоединялись меценаты и только иногда сами студенты. Так, решающим условием университетской автономии была непосредственная *необремененность каждодневными поисками источников существования*.

Власть в университетах принадлежала не хозяйственникам, а выдвиженцам академического сообщества, прежде всего, ученым-мэтрам (по крайней мере, такова была доминирующая тенденция). И именно университетская автономия делала возможными различные академические свободы. С большими или меньшими искажениями в разные периоды своей истории, принципы университетской автономии и академической свободы воплотились и в российских университетах, пока с ними по-своейски не распорядились пришедшие к власти большевики. Но и сегодня многие полагают, что идеальный и потому «автономный университет находится – по принципу – за пределами государства (именно это должно быть четко и однозначно закреплено в статусе Нового Университета), т.е. вне органов государственной власти и управления, поэтому он не нуждается ни в чьей оценке: ни в государственной, ни в общественной. Он сам предназначен для порождения и перепроектирования и государства, и общественных систем. И последние не смеют ему отказывать в проведении этой деятельности»¹.

Таков должен быть идеальный (соответствующий в гегелевском смысле своему понятию, идее – по Платону) классический университет. Кому должен, мы обсуждать не намерены, а о несовпадении идеального

¹ Проскурин В.А. Заметки к автономизации университета// PROJECT FUTURE ISRAEL [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.futurisrael.org/ProskAutUniver.htm>.

с реальным позволим себе напомнить: таких идеальных университетов никогда реально не было! В.А. Проскурин потому и грезит не о реставрации классического университета, а о Новом Университете. Даже созданный В. Гумбольдтом «идеальный» Берлинский университет не был идеальным. Современный же университет стал сильно отличаться от своих исторических предшественников, и тем более от того, чем они стремились быть, от идеала, на который они ориентировались.

Современный университет стал приближаться к совсем иному пра-образу: «Мы повсеместно наблюдаем процесс превращения университета из храма науки в market place, торговую площадку, в экономическую “корпорацию по продаже знаний”»¹. Сегодня вузы, точнее их руководство, заняты финансовым выживанием, а профессура (преподавательский корпус) выступает главным инструментом в этом, будем откровенны, не самом академическом деле, в связи с чем в профессорско-преподавательской, особенно ветеранской, среде растет популярность версии «руинизации классического университета»², поскольку доминирующее положение в вузе получают хозяйственники, менеджеры, близко знакомые с реалиями рыночной прохиндеады. Так, в условиях конкуренции, низкой платежеспособности населения и, как следствие, невозможности установления высокой цены на образование, современному отечественному вузу важно заполучить больше студентов, а значит, и преподавателей, которым от высокой учебной нагрузки уже практически некогда заниматься научными изысканиями (дай Бог сил на требуемую имитацию!), а многие нынешние вузовские преподаватели эти изыскания и на зуб не пробовали.

¹ Покровский Н.Е. Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.futurisrael.org/RuJ/NewEd.htm>; см. также: Покровский Н.Е. Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений// *Общественные науки и современность*. 2005. № 4. С. 148–154.

² См.: Bill Readings *The University in Ruins*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.

Академической деятельностью в современном вузе заняты в лучшем случае отдельные (все более «отдельные», редкие) его подразделения – по инерции и в силу присутствия в них преподавателей-ученых. И большей частью к науке имеют отношение именно отдельные и немногие вузовские работники, институциональная принадлежность к конкретному вузу которых совершенно безразлична, прежде всего, содержанию их научной деятельности. Благо, современные средства коммуникации позволяют им состоять в общении с коллегами по всему миру: «В условиях единого и глобального информационного пространства роль “хранителя” знаний как будто бы выходит за пределы стен любого конкретного университета, располагаясь, скорее, в виртуальном пространстве, в том числе и в поле интернет-коммуникаций (e-Ducation)»¹.

Получается, что сегодня мы имеем дело с деинституционализацией академической жизни. В вузах она стала явной (мы не имеем в виду бюрократическую отчетность «по науке»), в научно-исследовательских учреждениях – не столь явной, хотя и там начальству интересны результаты, имеющие отношение только к госбюджетной или хоздоговорной («высочайше» утвержденной) теме. Состояние дел с академической жизнью уже сильно заботит даже российское государство, которое ищет способы дифференцировать вузы (по сути, на настоящие и Бог весть какие) и реформировать РАН и иные академии и входящие в них учреждения, поддержать трудящихся, имеющих ученые степени, материально и т.д. Правда, с вузами дело осложняется тем, что кроме научной эффективности вузы должны демонстрировать *высокое качество образования*. Оно тоже входит в состав понятия академической жизни, сильно зависит от научно-исследовательской составляющей, но все же с ней не совпадает. Кроме того, качество образования – это загадка, у которой слишком много отгадок, чтобы поверить хотя бы одной.

В целях обоснованной, корректной и разносторонней оценки ближайших перспектив высшего образования и сосредоточения

¹ Согомонов А. Корпоративная ответственность...

организационных усилий на предпочтительных вариантах, необходима опора на состоятельную и эффективную методологию. Перспективы высшей школы сегодня можно рассматривать в опоре на две основные методологические традиции. Одна из них восходит к глубокой древности и продолжает быть состоятельной и авторитетной. Вторая относительно молода, но не считается с ней уже не продуктивно.

Первая методологическая традиция может быть названа эссенциалистской, идеалистической, платонистской, но дело не в именах, которых может быть гораздо больше. Данная позиция предполагает некую изначальную сущность явления или его идею, которая находит свои разнообразные – уже, разумеется, не идеальные – воплощения. Так, например, имеет место «предвечная» сущность или идея университета, которая более или менее удачно реализуется в истории, знание которой позволяет оценить каждый конкретный случай ее воплощения и найти пути приближения к более совершенному, идеальному состоянию. Потому и не счесть работ под названием «Идея университета», «Миссия университета» и т.п. Особенно много среди этих работ иннаугурационных речей ректоров.

Следуя идеалистической, эссенциалистской методологии можно было бы сокрушенно остановиться на констатации удаления современной высшей школы от идеи университета как Храма Науки к вузу как market place. Но осмысление происходящего в высшей школе с точки зрения превращения ее в market place – тоже вариант эссенциализма, как вариантом эссенциализма является осмысление образования с точки зрения «фабрики», производства (кадров, знаний и т.д.). Спор о перспективах университета оказывается спором о предпочтительном пра-образе, идее университета. Это спор об идеях по преимуществу.

Однако университет – далеко не только идея. Университет, прежде всего, – реальность, в том числе весьма приземленная реальность. Потому наряду с эссенциализмом сегодня мы можем воспользоваться

и иной, контрэссенциалистской, антиидеалистической методологией, которую совсем не обязательно лишь противопоставлять традиционной, платонийской. Новейшая методология весьма компромиссна и позволяет работать в режиме взаимодополнительности, она толерантна к противоречиям и парадоксам, ибо исходит из признания несовершенства самих притязаний на знание совершенства. Идеальное состояние, «идея вещи» рассматриваются ею не как имеющие непосредственное и обязательное отношение к реальности, а как мыслеобразные конструкции. Эти конструкции (Храм Науки, market place, фабрика кадров и знаний и т.д.) легко мистифицировать (все идеи чреваты превращениями в идолов). Но если не быть идолопоклонником, не искать себе кумира, то можно воспользоваться любой идеей как инструментом, позволяющим нечто в реальности осмыслить, оценить, соотнести с другими возможными вариантами. Как всякий инструмент любая идея имеет преимущества и недостатки, и пользоваться ею можно полифункционально, в том числе не по прямому назначению. Такова и идея классического университета. Оставаясь вдохновляющей многих, она необязательно должна стать основанием окончательного приговора современной высшей школе, в том числе в России.

Высшая школа стала такой, как она сегодня есть не по злему умыслу, она востребовала новый режим управления и новый тип руководителя не в силу своей безнадежной деградации. Вуз как социальный институт адаптируется к реалиям, в которых он существует: «Тенденции развития университетов наших дней, как представляется, не требуют оценки по принципу “хорошо – плохо”, “нравится – не нравится”... Это объективные параметры системы, которая перенастраивается в новых условиях глобализации и постиндустриального общества. И хотя реакции на эту перенастройку могут быть самыми различными (в том числе резко негативными), следует признать, что высшее образование в современном

мире, скорее всего, идет уже новым, кратко обрисованным выше путем»¹. Чем больше общество, прежде всего, государство смотрит на вуз как на хозяйствующий субъект, способный приносить прибыль, тем больше вуз будет превращаться в торговую лавку или супермаркет, тем меньше внимания руководство вуза будет обращать на академическую составляющую жизни вуза, его работников, тем больше академическое сообщество будет перемещаться в сферу виртуальных отношений, частично и физически перемещаясь в иные – пока еще более академические – вузы, в том числе зарубежные. Но деакадемизация университета не значит автоматического снижения качества его образования, которое сегодня сильно зависит не от наличия, а от содержательного наполнения государственных образовательных стандартов.

Если государство пойдет путем жестких образовательных стандартов, то высшее образование будет все более унифицированным и неизбежно скоропортящимся. Масса народа со скоропортящимся образованием будет бродить по стране в поисках реализации этого образования на рынке труда, а над страной будет витать дух (вот она – «духовность» последнего времени!) от этих гнилостных процессов. На февральском 2007 г. заседании Коллегии Минобрнауки РФ одобрен «мягкий» вариант государственных стандартов высшего профессионального образования. Согласно ему государство за собой «оставляет только требования к компетенциям выпускника: в госстандарте расписывается не то, что студент должен изучать, а что он должен знать на выходе... (В СССР вузы имели право определять не более 10% образовательной программы,

¹ Замулин О.А., Покровский Н.Е. и др. Трансформация университетов в условиях глобального рынка// Высшее образование сегодня. 2004. № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dspace.lib.usu.ru/bitstream/1234.6789/319/1/digest_2004_3.pdf.

сейчас – 20–40%, а с переходом на новый стандарт образования – до 70% и более, обещают в Минобрнауки)»¹.

Но и в таком случае «учеба в современном университете (как западном, так и российском) все более утрачивает свой судьбоносный (экзистенциальный) смысл, становясь лишь средством получения всевозможных социальных отсрочек: от армии, профессии, семьи. Этому немало способствуют и те условия, в которых сегодня находится академическая наука, существование которой напрямую зависит от запросов информационной бизнес-среды, ориентированной на прикладной, междисциплинарный и профицитный характер знания»².

Академическая же жизнь в любом случае будет все менее связана с образованием, в том числе с «высшим», если оно так уж претендует на это название, хотя официальный термин «послевузовское» откровенно показывает, что никакое оно не «высшее». Превосходная степень вообще – наследие архаического дискурса. Академическая жизнь из-за дрейфа прочь от университетов не прекратится, затянется на время где-нибудь, проявляясь в Сети, и на правах свободного художника, при неизбежной поддержке то одних, то других заинтересованных или бескорыстных сторон продолжит свое существование. Кстати, бериевская «шарашка» – тоже ведь ниша...

Что касается отмеченных выше черт академизма и их присутствия в современном российском университете, заметим следующее. *Платонизм* продолжает иметь место, что отражает традиционно-академический, если не сказать архаический характер современной, особенно отечественной, фундаментальной науки, в то время как в мире все более «фундаментальные знания вытесняются на периферию, приобретают, если угодно, эзотерический характер»³.

¹ Лемуткина М. Подъем вузов переворотом// Газета. RU. Образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/education/2007/02/02_a_1322652.shtml.

² См.: Покровский Н.Е. Корпоративный университет...

³ Замулин О.А., Покровский Н.Е. и др. Трансформация университетов...

«Возвышенным», «идеальным», «истинным», «образцовым» и даже «высшим» высшее образование воспринимается с большими оговорками даже массовым сознанием, не говоря об элитах, хотя оно и сохраняет свой общественный «авторитет». *Авторитет же мэтров, ученых-учителей* сохраняется в современном высшем образовании, другое дело, что их стало так много, что каждой идее можно привести авторитетное подтверждение.

Право на аргументированное возражение – «святыня» современного научного дискурса еще в большей степени, чем во времена «классического университета». *Принцип исследовательской свободы* тоже сегодня никем не оспаривается, но эту свободу чаще оплачивает сам исследователь, если она не попала в «Планы НИР» учреждения, в котором он трудится, или грантодатель. И *публикация их результатов* стала вопросом исключительно финансирования. Пока это свидетельствует о возрастании свободы.

Свободный характер преподавания пока сильно обременен требованиями государственных образовательных стандартов, но и тут появились надежды в связи с ожидаемым третьим их поколением. *Отсутствие бюрократической опеки* преподавателей со стороны блюдущих букву нормативов инспекторов и администраторов – пока мечта, но ожидаемое третье поколение государственных образовательных стандартов и ее делает реализуемой, как и большую свободу учения.

Суд академической общественности пока сильно опосредован судом администраторов, в перспективе он будет сильно опосредован судом заказчика. А в стратегических интересах заказчика не затыкать этому суду рот, ибо рынок позволяет лишь кратковременное жульничество, но без этого люди никогда не жили. Как-нибудь будут справляться с этой бедой и в дальнейшем – не без помощи пользующихся свободами ученых!

Необремененность каждодневными поисками источников существования придется забыть – вот где главный ресурс воздыханий по «классическому» университету. Однако убивает не озабоченность,

а вполне определенное, следующее из эгоцентричной претенциозности, отношение к ней, и еще голод, конечно. Феодалная привилегия «от степени», «от должности», например ученой или вузовской, уходит в прошлое вместе с многими иными привилегиями. А страх перед рынком может быть снят простым резонансом: «Одна только... рыночная эффективность может настолько же мало воодушевить абитуриентов и, возможно, даже профессуру, насколько мало может заставить больных покупать лекарство фармацевтической фирмы сообщение о том, как успешно она продает свои товары, – без ссылки на их качество, потребное для излечения»¹. Так что превращение университета в лавку – это фантом, а не поглощающая его перспектива.

И *высокое качество образования* никуда не денется, только оно не отменит ни среднее, ни низжайшее качество. От этих попутчиков точно не избавиться, как от человеческого несовершенства вообще. Возрастет число подходов к определению уровня качества. Не исключено даже, что государство, наконец, успокоится в этом отношении, оставив дискуссии о нем гражданскому обществу.

Итак, «классическим», бесспорно академическим университет уже не будет, будет погруженным в рынок, будет постакадемическим, меняющимся, и уже с очевидностью не вписывающимся ни в какой пра-образ. Потому постакадемичность не будет исключать и академичности, она ведь – не антиакадемичность, но и для таковой найдется местечко. Университет останется в чем-то храмом, в чем-то фабрикой, в чем-то торговой лавкой, у него будет много других признаков, которые к общему знаменателю можно свести лишь на бумаге, которая и не такое стерпит. Речь-то, в конце концов, не об университете, а о нашей возможности осмысления, в том числе университета, о пифагорейском соблазне свести все если не к числу, то к формуле.

¹ Куракин Дм., Филиппов А. Возможность корпорации: к социологическому описанию университета // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 4–5 (48–49). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/48/ku23-pr.html>.